

У него был ум ученого, сердце поэта и темперамент критика-полемиста.

Он вошел в аудиторию ГИТИСа в пасмурный день осени 1943 года, чтобы научить студентов такому странному и понятному делу, как театральная критика. Шла война. Но Григорий Нерсесович Бояджиев верил в высокое гражданское предназначение театра, а следовательно, и театральной критики. Раз не молчали музы, значит, не должны были молчать и критики.

Бояджиев был еще молод. Войдя в аудиторию, почти сплошь женскую — мужчины воевали, — он произнес загадочные слова, смысл которых мы поняли позднее: «Спектакль надо воспеть или распять». Так прозвучал призыв к критике страстной, непримиримой и поэтичной. Воспеть, то есть со всей горячностью борца за высокие идеалы, за партийность и народность нашего

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

искусства выявить все лучшее, что есть в современном театральном творчестве. Распять, то есть отместить все ложное, чуждое нашему искусству.

Бояджиев был великолепным лектором и блестящим оратором, увлекающимся и увлекающим. Диапазон его интересов отличался необычайной широтой — он воспевал и суровую правду спектакля А. Попова «Сталинградцы», и чарующую поэзию постановки М. Кнебель и Н. Хмелева «Как вам это понравится», и тончайший интеллект М. Астангова в роли Матиаса Клаузена в «Перед заходом солнца», и яркую театральность, и подлинную народность искусства одной из своих самых любимых актрис — Веры Марецкой. Он имел право учить, потому что умел делать то, чему учил, вопреки

ПОЭЗИЯ КРИТИКИ

иронически-язвительному парадоксу Бернарда Шоу, к сожалению, еще имеющему под собой реальную почву: «Кто умеет — делает, кто не умеет — учит».

Григорий Нерсесович Бояджиев ощущал сценическое искусство с такой глубиной и совершенством, что вполне можно было говорить о наследовании им традиций русской театральной критики, идущих от Белинского с его безграничной верой в театр как в огромную силу нравственного и эстетического воспитания человека. Вместе с тем он создал свою школу в советской театральной критике, отличительной особенностью которой стала убежденность, что нельзя писать неинтересно, скучно, непонятно об актерах и режиссерах, что любая теорети-

чески сложная концепция должна органично вытекать из образного, эмоционального рассказа о спектакле, что искусство театра гармонично, едино по своей природе, и каждому компоненту отведено в нем важное место.

Передо мной книги Бояджиева — «Театральность и правда», «Поэзия театра», «Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения», «Душа театра». В самих заглавиях — творческая программа их создателя. Бояджиев-критик был современен до мозга костей. И именно поэтому он не мог не заняться историей. Ему необходимо было воспринимать нынешний день театра в его связях с прошлым.

Он писал об истории, будь то Мольер, Шекспир, Лопе де

Вега или Расин, точно так же, как и о современности, — темпераментно, образно, будто все случилось на его глазах, и сам он был не только очевидцем, но и заинтересованным участником происходящего. Эта удивительная способность максимально сближать историю и современность породила единственную в своем роде в театроведческой литературе книгу «От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров».

Бояджиев любил дарить книги своим товарищам и ученикам с надписями, говорящими о поразительной щедрости его сердца и безграничной вере в творческие силы людей. Это были надписи-мечты, надписи-предвидения, взывающие к чувству ответственности у тех,

к кому они были обращены.

«Сколь радостно на книгу отвечать книгой, видеть, как мучают твои ученики и как не стареешь ты сам», — так написано на книге «Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения», которую я получила за четыре месяца до его смерти. А подписывался он просто — «Учитель». Древнее и бесконечно дорогое слово!

Уроки Бояджиева не ограничивались критикой и историей театра. Это были уроки жизни, уроки горения и самозабвенной отдачи себя любимому делу, что и помешало ему дожить до своего семидесятилетия и радостно, как он это умел, отпраздновать эту дату. Долг каждого кто учился у Григория Нерсесовича Бояджиева, донести его творческие и научные уроки до следующих поколений театральной молодежи.

А. ОБРАЗЦОВА,
доктор искусствоведения.

Сов. культура, 1978, 13 марта